

Пролог

Икбал Сунанджи в третий раз обходил клинику по периметру, потом он пойдет в сторожку смотреть матч по крикету — хотя бы вторую половину. Доктор Варма еще в своем кабинете, но это нормально: за девятнадцать лет работы в клинике Икбал ни разу не видел, чтобы доктор покидал ее раньше десяти. Хотя однажды это все-таки произошло — в день, когда погиб его старший сын Аамир. Но, за исключением этого, ритуал не менялся. Доктор Варма гасил свет в своем кабинете без десяти десять, и тогда Икбал знал, что можно расслабиться и выпить чаю с молоком под аккомпанемент ток-шоу Вира Ананда, начинавшегося в половине одиннадцатого. Но сегодня — крикет, и ничто не сможет помешать Икбалу выяснить, кто сильнее — англичане, привезшие игру в Индию, или индийцы, оказавшиеся прилежными учениками.

Еще раз взглянув на часы, Икбал поцокал языком: этот человек — настоящий трудоголик. Оно и понятно, ведь сеть собственных клиник дает доктору Варма отличный доход, здесь лечатся звезды Болливуда, местные богачи и иностранцы. И дело расширяется! Икбал краем уха слышал, что доктор строит еще одно здание где-то в районе Тадж-Махала — там, откуда собираются согнать всех бедняков, сровняв их хижинны и мастерские с землей. Сестра просила закинуть удочку насчет племянника: не найдется ли там какой-

нибудь должности? Наверняка что-нибудь образуется, ведь на новом месте всегда полно работы, а племянничку, слава Аллаху, двадцать шесть стукнуло — хватит на материнской шее сидеть!

Свет в окне доктора Варма продолжал гореть, и Икбал уныло взглянул в сторону своей каморки: похоже, плакали они оба — и чай с молоком, и крикетный матч! Внезапно раздался тихий, но отчетливый хлопок, словно где-то лопнула крышка. Икбал не сразу сообразил, что звук донесся не с улицы, а сверху, из кабинета доктора. Окно там было приоткрыто, и занавески, раздуваемые свежим вечерним ветром, колыхались снаружи. Почуввав неладное, Икбал перевесил ружье со спины на грудь и быстрым шагом направился к входу в клинику. Несмотря на свои шестьдесят, он одним махом преодолел лестничный пролет и оказался прямо напротив кабинета доктора. Дверь была распахнута настежь, и это было неправильно. Неправильным было и то, что охранник увидел внутри. При взгляде на расprostертое посреди кабинета стройное тело хозяина в костюме от Армани Икбал вскрикнул и отшатнулся. Ему не требовалось приближаться, чтобы понять, что Пратап Варма мертв: положение тела и лужа крови, растекающаяся вокруг головы доктора, говорили, что помощь ему вряд ли потребуется. Икбал кинулся к окну в надежде увидеть того, кто это сделал. Однако в темноте мало что удавалось разглядеть, а фонари, щедро расставленные у фасада, плохо освещали эту часть внутреннего дворика и сада. Тем не менее Икбал снял с плеча ружье и пальнул в пустоту — просто для очистки совести. Потом он вернулся к хозяину и, опустившись на колени, попытался все же пощупать пульс — чем, как говорится, черт не шутит? Но, как и предполагалось, доктор уже отошел. Тяжело вздохнув и пробормотав короткую молитву за упокой души невинно убиенного, Икбал потянулся к стоящему на столе телефону.

* * *

Сидящая передо мной девушка походила скорее на подростка, нежели на взрослую, сформировавшуюся женщину. Судя по истории болезни, ей исполнилось двадцать три года, но даже удовлетворительный рост не сглаживал впечатления от ее исключительной худобы. Девушка расположилась напротив окна, и солнечные лучи, проникавшие в кабинет сквозь приоткрытые жалюзи, создавали впечатление полной прозрачности ее тела, как будто передо мной находился бестелесный дух, а не существо из плоти и крови. И голос у этой Марины Афанасьевой оказался под стать внешности — тихий и надтреснутый, словно шелест осенней листвы. Ее привела мать. Кому еще могут быть интересны такие проблемы, кроме как ближайшим родственникам; кто еще станет беспокоиться, уморит ли девушка себя голодом?

Если бы я была обычным психологом, в моем арсенале имелись бы лишь слова. К счастью, я — клинический психолог, а это означает, что я могу реально помочь несчастной. Коллеги со смехом утверждают, что я, мало отличаясь телосложением от большинства своих клиенток, вызываю у них доверие. Вот как вышло, что, несмотря на то что могла бы работать с самой разнообразной клиентурой, я в основном специализируюсь на больных анорексией. Марина со-

гласилась на визит к специалисту лишь потому, что у нее не было кавалера, и девушку пугала перспектива остаться одной. Беда в том, что женщины на этой стадии болезни теряют связь с реальностью и не понимают, что проблема женского одиночества никак не связана с комплекцией. Я — живое тому подтверждение. В мире хватает полных женщин и мужчин, счастливых в любви и семейной жизни. Точно так же много и худых привлекательных представителей обоих полов, вынужденных обходиться без «своей половинки». Таковы реалии современной жизни, и именно это мне предстояло постепенно объяснить Марине. Я по опыту знала, что первые сеансы — самые трудные. Женщины сопротивляются лечению. То, что они видят в зеркале, на самом деле не соответствует восприятию окружающих, но убедить их в этом почти невозможно. Каждый раз, принимая новую пациентку, я внутренне содрогаюсь, пытаюсь оценить ее шансы на выживание. Людям, никогда не сталкивающимся с подобной проблемой, она может показаться несерьезной. Большинство мужчин, включая некоторых моих коллег-психологов и психиатров, считают анорексию блажью, которая при желании легко преодолима, но это отнюдь не так. Анорексия — такая же болезнь, как шизофрения или МДС¹, и вырваться из ее тисков без помощи специалиста практически невозможно. Если человека с таким диагнозом оставить наедине с самим собой, он не выживет. Марина казалась мне трудной пациенткой. И ее ответ на мой вопрос, почему она отказывается от еды, это доказывал:

— Потому что я ТОЛСТАЯ!

Я вешу пятьдесят два килограмма при росте в сто

¹ Маниакально-депрессивный синдром.

семьдесят девять сантиметров, но Марина выглядела, по меньшей мере, в два раза тоньше меня. Да, случай тяжелый, как я и предполагала. А ведь я предупредила Антона Никифоровича, нашего главврача, чтобы больше не присылал ко мне пациенток: я и так зашиваюсь! Но что делать, если человеку срочно требуется помощь? Как я могу отказать этой девчонке, которая легко загубит собственную жизнь, а заодно и мамашу утащит за собой в могилу? Вот и выходит, что я работаю без выходных и праздников, а Антон Никифорович еще каждый божий день интересуется, когда будет гулять на моей свадьбе — какая, к черту, свадьба, если я не успеваю даже уборку в квартире сделать?!

Негосударственный медико-психологический центр «Авиценна», в котором я работаю вот уже семь лет, поначалу занимался только стоматологией и пластической хирургией. Впоследствии его владелец решил расширить сферу услуг, в результате чего возникла приставка «психологический», и я стала одним из первых клинических психологов, принятых на работу во вновь открывшееся отделение. За прошедшие годы я заслужила определенную репутацию, и все, включая нашего главного, прочат меня на место заведующей, как только наш прежний отправится на покой. Не знаю даже, хочу ли, но если это будет означать хоть немного меньше работы с клиентами и чуть больше времени на себя, то, пожалуй, стоит задуматься!

подавив глубокий вздох и, как я надеялась, лучезарно улыбнувшись, я обратилась к пациентке:

— Давайте-ка попытаемся найти истоки вашей проблемы, Марина. И начнем мы с вопроса: кто вам сказал, что вы *толстая*? Вы сами так решили или...

* * *

В моем кабинете телефона нет, как и в большинстве кабинетов моих коллег. На время сеансов я отключаю даже сотовый, так как звонки отвлекают пациентов, а в нашей профессии непредвиденный перерыв на несколько секунд может уничтожить месяцы работы. Поэтому я не удивилась, когда по окончании очередного сеанса в дверь просунулась голова Тимура. Тимур — наш администратор и исключение из общих правил: тогда как в большинстве клиник на этой должности работают симпатичные девушки в коротких юбках, призванные привлекать клиентов своим внешним видом, мы гордимся Тимуром, одновременно являющимся компьютерным гением, слесарем, электриком и секретарем каждого из двадцати специалистов клиники в одном лице. Его внешний вид можно назвать слегка нетрадиционным. У парня длинные волосы, которые он, из уважения к нам, одетым в деловые костюмы, собирает в хилый хвостик на затылке, но на этом его «офисный» прикид заканчивается. Тимур носит кроссовки известных марок и невероятных цветов, драные джинсы и пиджаки спортивного покроя на пару размеров больше необходимого, отчего они свободно болтаются на его высоком, костлявом теле. Несмотря на то что облик Тимура не соответствует занимаемому месту, пациенты от него без ума, как и мы все: если бы не этот парень с мозгом Эйнштейна и руками нейрохирурга во всем, что касается техники, мы бы, попросту говоря, пропали! Так вот, именно его голова просунулась в проем двери в половине первого и провозгласила:

— Тебя к телефону!

Несмотря на разницу в возрасте (Тимуру двадцать четыре), мы с самого начала на «ты», и это кажется нам совершенно естественным. Произнося свою реп-

лику, Тимур одновременно протягивал мне трубку беспроводного телефона.

— *Адвокат* какой-то! — многозначительно выка-
тывая глаза, добавил он.

— Адвокат?

В самом деле, у меня нет ни одного знакомого адвоката, поэтому странно слышать, что кому-то из представителей этой профессии понадобилась я!

— Индира Пратаповна Варма? — раздался в трубке приятный голос в ответ на мое «алло?». Я подтвердила, все еще недоумевая по поводу звонка адвоката. Однако так как он стал первым человеком в моей жизни, не исковеркавшим мое имя, я решила, что он, по меньшей мере, заслуживает быть выслушанным. — Меня зовут Егор Балашов, я адвокат и представитель фирмы «Баджапай и сыновья».

— Какой фирмы?

— Это индийская адвокатская контора в Дели.

— Индийская?

Я чувствовала себя глупо, постоянно переспрашивая, но разговор казался мне странным.

— «Баджапай и сыновья», — продолжал между тем адвокат, — поручили мне разыскать вас в связи с одним деликатным делом, о котором я не могу говорить по телефону. Когда вам удобно подъехать в мой офис, Индира Пратаповна?

Вот, он снова произнес мое имя — без единой ошибки. Что ж, все равно придется его разочаровать:

— К сожалению, у меня очень плотный график, Егор... — я подняла интонацию, рассчитывая услышать отчество, но он сказал:

— Просто Егор, если не возражаете.

— Ну, тогда я — просто Индира, — усмехнулась я в трубку. — Тем не менее в ближайшее время я занята...

— А у вас обеденный перерыв имеется? — прервал он меня.

— В половине третьего.

— Отлично! Предлагаю вместе пообедать и обсудить наше дело. Идет?

Я освободилась позже, чем рассчитывала, но Егор терпеливо ждал меня в кафе за углом, где я назначила встречу. Он оказался невысоким стройным молодым мужчиной, одетым в классический коричневый костюм, безупречно отутюженный, с жесткими стрелками на брючинах. Загар, явно приобретенный в солярии в это время года, подчеркивал яркость вдумчивых темно-карих глаз. При виде меня он приподнялся в приветствии.

— Я так вас себе и представлял, — улыбнулся он, демонстрируя белоснежные виниры.

— В самом деле? — удивилась я.

— Вы поймете — в свое время. А пока что, Индира, присаживайтесь: я взял на себя смелость сделать заказ. Надеюсь, вы не вегетарианка?

— Ни в коем случае! — ответила я, усаживаясь.

За годы работы в «Авиценне» я перепробовала в этом кафе все блюда, поэтому не боюсь отравиться.

— У меня для вас две новости — хорошая и плохая, — сказал Егор, складывая ладони на клетчатой скатерти.

— Начните с плохой, — предложила я.

— Хорошо. Ваш отец, Пратап Варма, скончался.

Это известие не всколыхнуло во мне никаких чувств. В последний раз я видела отца в шесть лет. Дело было в аэропорту, куда он примчался, пытаясь остановить нас с мамой. Та сцена почти стерлась из моей памяти, но осадок от нее, неприятный и болезненный, остался. Тогда дело едва не закончилось дракой, и я до сих пор помню, что еще несколько лет мама порой вздрагивала при каждом телефонном звонке: она опасалась, что отец попытается отобрать меня у нее.

Наблюдая мою реакцию — вернее, ее отсутствие, Егор произнес:

— Я вас понимаю: отец ушел из вашей жизни давно, поэтому новость о его смерти не может опечалить. И все же, поверьте, я имею право утверждать, что Пратап Варма был вам не таким уж плохим родителем. Он оставил вам наследство, которое оценивается примерно в восемьдесят миллионов долларов.

Я сидела, словно приколоченная к стулу, и только появление официанта с подносом, шумно водрузившего на стол тарелки и бутылку воды «Перье», доказало, что это не сон. Тем не менее врожденная осторожность не позволяла вот так просто довериться незнакомому человеку. Егор, казалось, читал меня, как открытую книгу.

— Ваши опасения абсолютно справедливы, — кивнул он. — Уверяю, я не пытаюсь вас дурачить: у меня есть все бумаги, тщательнейшим образом оформленные и переведенные на русский язык. Они нотариально заверены как нашей, так и индийской стороной.

Но я не так проста, как, возможно, полагает этот хлыщ!

— И сколько мне придется заплатить, чтобы получить все это *бешеное* состояние? — поинтересовалась я.

— Нисколько, — спокойно ответил адвокат. — Я же говорю, что меня наняла фирма, поэтому от вас требуется только одно: отправиться в Индию и вступить в права наследования.

— И только-то! — хохотнула я, делая огромный глоток из бокала и едва не подавившись водой, так как пузырьки газа ударили мне в нос.

— Я вижу, вы все еще мне не верите, — констатировал Егор. — Это понятно — такой шок... На самом деле на моей практике это первый случай, когда речь идет о столь большой сумме. Давайте сделаем так: вы все как следует обдумаете и позвоните, когда будете

готовы обсудить детали. Еще раз повторяю, это — не шутка и не розыгрыш, и вы на самом деле являетесь богатой наследницей. *Единственной* наследницей, заметьте!

— Неужели у... отца нет других детей? — с усилием разомкнув губы, спросила я.

— Есть, — ответил адвокат. — И мне неизвестно, чем руководствовался мистер Варма, составляя завещание. Возможно, адвокаты из «Баджапи и сыновья» знают больше? Когда вы поедете в Агру, несомненно, они посвятят вас в подробности, а пока что — вот, — и он положил на стол блестящую золотом визитную карточку со своим именем и телефонами, добавив: — Звоните в любое время! А теперь предлагаю закончить обед.

Егор управился гораздо быстрее меня и откланялся, сославшись на обилие дел, а мне кусок в горло не лез. Я думала, что обстоятельства моего рождения и годы, проведенные в Индии, остались в далеком прошлом, но появление адвоката как будто задело далеко запрятанные воспоминания, заставив их всплыть на поверхность. Оказалось, что помню я не так уж и мало; странная штука — человеческий мозг!

* * *

Естественно, я не могу помнить своего рождения, но мама рассказывала, что это произошло в одной из частных клиник Дели. На этом настаивал отец: он желал, чтобы его первое дитя появилось на свет в самых лучших условиях. Отец был уже не молод, как, в сущности, и моя мама: ему под пятьдесят, а ей недавно стукнуло сорок три. Для обоих этот брак являлся первым. Что касается мамы, это объяснимо, так как она была директором музыкальной школы и вращалась исключительно в женском коллективе. О детях до оп-

ределенного возраста она не задумывалась, так как считала своими всех учеников, посещавших вверенное ей заведение. Мама с отцом познакомились на концерте. В филармонии выступали *ее* дети, а его привели коллеги, желая продемонстрировать все, что только есть замечательного в Северной столице. Но самой значительной достопримечательностью отец считал именно мою маму. Ведь Людмила Христофоровна Мысенко отличалась привлекательной наружностью — натуральная блондинка славянского типа: у нее были темные брови и ресницы и яркие серые глаза. От мамы я унаследовала цвет глаз и белую кожу. Все остальное, полагаю, досталось мне от отца. Темные вьющиеся волосы (только у меня они длинные и спускаются ниже талии), высокие скулы, слегка выдающийся вперед подбородок, нос... Нос — это отдельный разговор: мама говаривала, что из-за того, что он тонкий и довольно длинный я, когда злюсь или нервничаю, раздуваю ноздри, словно призывая лошадь на пути к финишу. Губы мне никогда не нравились — они слишком тонки, хотя рот большой, «как у лягушонка» — тоже мамино сравнение (она была строга в отношении моего внешнего вида). Мама была высокой, но любила каблуки (и в этом мы с ней похожи!), одевалась со вкусом и обладала потрясающим тембром голоса — низким, вибрирующим, обволакивающим. В этот голос хотелось закутаться, словно в теплое пуховое одеяло, и мама рассказывала, что не стала певицей только потому, что этого не хотели ее родители. Они считали пение несерьезным занятием и требовали, чтобы она приобрела «настоящую» профессию. И мама последовала их совету: жаль, что они так и не успели увидеть, каких высот в своей профессии ей удалось достичь. Короче говоря, папа пал к ее ногам, как спелый плод манго — его же собственное сравнение, если верить маме. Семья отца